

Эти незначительные преимущества, в связи с бесценным благом свободы веры, заставили новогреческих историков прийти к выводу, что положение афинян в турецкой неволе было легче их положения под властью христиан — франков. Но это смелое утверждение опровергается уже тем фактом, что турецкому правительству было совершенно чуждо моральное представление о праве и законности; место права занимал необузданный произвол деспотов. Достаточно напомнить о жестокой дани мальчиками, наложенной на афинян, как и на остальных христиан, поработенных султаном, чтобы охарактеризовать бесчеловечную тиранию, ставшую их уделом.

Каждые пять лет турецкие аги делали осмотр всех греческих детей, пятую часть которых, самых красивых и талантливых мальчиков, отрывали от семей и увозили в Стамбул. Здесь, в особом отделении сераля, занимавшемся воспитанием рабов, из них воспитывали фанатичных османов. Из этой христианской молодежи завоеванных провинций выходили не только янычары, но часто также лучшие слуги и выдающиеся министры султана. Один знаменитый английский филэллин заметил с благородным негодованием, что в долгом унижении греческого народа нет ничего более ужасного, чем эта апатия, с которой греки подчинялись этой повинности. В несчастных Афинах уже не нашлось Тесея, который избавил бы их от этого Минотавра. Лишь в последней трети XVII столетия этот налог исчез навсегда.

Так велика роль, которую играют в оценке блага отдельного человека и народа соображения материальной выгоды, что даже в суждениях об эпохе глубочайшего унижения Афин они занимают первое место. Настало время, когда городу марафонских бойцов пришлось считать особенным отличием и большим счастьем то, что он стал вотчиной начальника черных евнухов в константинопольском серале. Могущественный кислар-ага занял место великих афинских филэллинов древности; он милостиво снисходил к нуждам города, облегчал его тяготы и защищал его от злоупотреб-